

Формирование, обеспечение и боевой путь новгородского ополчения

Ирина Дмитриевна Савинова

В ночь на 12 июня 1812 г. (даты даются по старому стилю) армия Наполеона у местечка Вильковышки на территории Литвы начала переправу. В течение нескольких дней на восточный берег Немана сошло около 450 000 человек (235 000 оставались пока во Франции и в вассальной Пруссии). Русское правительство не располагало такими же крупными силами, как армия неприятеля. Комплектование их производилось по системе рекрутского набора. В начале царствования Александр I пытался было установить норму — один рекрут с пятисот душ населения при одном наборе в год. Однако военные кампании потребовали 18 рекрут с пятисот душ. К тому же осуществлялся уже не один, а несколько наборов в год. Поскольку рекрутская повинность ограничивала возможность создания массовой армии, а обстановка требовала немедленного получения резервов, правительство решило создать ополчение.

6 июля император Александр I обратился с Манифестом ко всем «верноподданным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским», призывая их «единодушным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений». Было объявлено, что ополчение формируется только на время войны. В Манифесте от 18 июля были определены округа для создания ополчения. В I округ вошли Московская, Владимирская, Калужская, Рязанская, Смоленская, Тульская, Тверская и Ярославская. Во II — Петербургская и Новгородская. В III — Нижегородская, Костромская, Вятская, Симбирская и Пензенская [1].

Для руководства формированием ополчения в Петербурге был создан особый Комитет по делам ополчения. В его состав назначались генерал от артиллерии граф А.А. Аракчеев, министр полиции генерал-лейтенант А.Д. Балашов и государственный секретарь вице-адмирал

Исторические штудии

А.С. Шишков. Новгородское ополчение формировалось вместе с Петербургским и входило, как уже отмечалось, во II округ, которому предписывалось охранять российскую столицу и пределы её губернии. Начальником ополчения как I, так и II округов дворянство единодушно избрало М.И. Кутузова.

Приняв командование ополчением II-го округа, М.И. Кутузов представил план проведения сбора воинов и утвердил состав двух комитетов: устроительного и экономического. Первый комитет должен был заниматься приёмом людей, их обмундированием, вооружением, военной подготовкой. Второй — организацией материальных и денежных средств на содержание ополчения. После отъезда М.И. Кутузова к действующей армии начальником ополчения II-го округа был назначен генерал-лейтенант барон П.И. Меллер-Закомельский. Это ополчение придавалось корпусу под командованием генерала-от-кавалерии П.Х. Витгенштейна.

12 июля в Новгород прибыл императорский посланник — генерал-губернатор Тверской, Новгородской и Ярославской губерний принц Ольденбургский. Он привёз Манифест о созыве ополчения, который и зачитал экстренному губернскому дворянскому собранию, созванному 14 июля этого же месяца.

Призыв о создании ополчения был поддержан без промедления: «составить по сей губернии в подкрепление армии десятитысячный корпус воинов». Обмундирование, снабжение продовольствием, жалованием в течение года дворянство брало на себя. Из своих рядов оно обещало «избрать потребное число чиновников» для предводительства, т.е. офицеров.

В губернии на 1812 год числилось 341 349 ревизских душ. Решено было послать в ополчение одного человека от 38 крестьянских душ. В постановлении губернского собрания рекомендовалось принимать мужчин в возрасте 18–45 лет, физически здоровых, годных к военной службе, «чтобы ратник был крепкого телосложения и не имел чего-либо, препятствующего в ходьбе» [2].

Об организации первых отрядов ополчения новгородский губернатор П.И. Сумароков доносил 3 августа: «Новгородское ополчение уже восприняло своё начало... До конца формирования и прибытия офицеров решено было присмотр за набранными рекрутами доверить внутренней страже» [3].

Полковыми начальниками Новгородской военной силы император 23 августа утвердил: I бригады — отставного полковника, графа Головина Сергея Григорьевича, II — отставного лейб-гусарского полка полковника Погребова Александра Андреевича, III — отставного лейб-гвардии Егерского полка полковника Десятова Дмитрия Петровича, IV — отставного лейб-гвардии Семёновского полка полковника Дирина Николая Петровича [4].

В официальном донесении сообщалось: «Все воины от помещиков в ополчение поступили одетыми в новые крестьянского сукна кафтаны и шаровары, снабжённые овчинными полушубками, суконными ранцами и фуражками с медными крестами (по образцу Петербургского ополчения сделанными), двумя парами сапогов кожаными, с тёплыми варежками-рукавицами, кушаком, тремя рубашками, двумя портами суконными, онучами, вооружены топорами и с трёхмесячным продовольствием: жалованья и провианта».

В тот же день 14 июля новгородское мещанство решило поставить на защиту Отечества 32 человека, обмундировать их и содержать провиантом. Ушли добровольцами мещане и других уездных городов: валдайский Пётр Ершов, старорусский — Тарас Москвитин, боровичский — Алексей Степанов, тихвинский — Василий Иванов, белозёрский — Иван Иванов [5].

Понимая, что среди воспитанников духовных училищ и семинарий найдутся охотники поступить в ряды ополченцев, Священный Синод решил облегчить молодёжи этот шаг и уже 4 августа принял определение, которым разрешалось «идти в новое ополчение, на которое призываются все состояния». Синод выразил пожелание, чтобы все консис-

И.Д. Савинова. Формирование, обеспечение и боевой путь новгородского ополчения

тории представили сведения об ушедших в ополчение. Новгородская консистория на основе этого постановления 13 августа издала свой указ, который и был зачитан воспитанникам духовной семинарии и училищ. Сведения о количестве ушедших в новгородское ополчение лиц духовного звания обнаружить не удалось, но сохранился список погибших на полях сражений — 27 человек [6].

Изучая списки ополченцев-дворян, составленные по различным донесениям, справкам, отчётам, можно обнаружить определённую закономерность. Большую часть составляют мелкопоместные дворяне, отставные поручики и прапорщики. Офицеров высшего ранга — майоров, полковников — оказалось

гораздо меньше, поскольку те, в основном, служили в действующей армии.

В длинном списке имён привлекают внимание одни и те же фамилии — это близкие родственники, многие из них — родные братья: Головцыны — поручик Иван Александрович, подпоручики Нил Александрович и Владимир Александрович. Братья Неёловы — Иван, Степан, Николай, Дмитрий (двое из них погибли). Овцыны: Пётр, Дмитрий, Константин...[7].

«Мой друг, сия война ознаменована какою-то священной важностью, всеобщим стремлением к одной цели. Поселяне превращали серп и косу в оружие оборонительное; отцы

*Торжественное возведение С.-Петербургского ополчения на Исаакиевскую площадь.
Гравюра И.А. Иванова.*

Исторические штудии

вырывались из объятий семейств...» — писал впоследствии Фёдор Глинка, участник Отечественной войны, будущий декабрист [8].

Другой участник событий, прапорщик Петербургского ополчения Р. Зотов так описывал состояние людей в те дни: «...все чувствовали одинаково. На улицах, во всех обществах, в кругу семейном не было других разговоров, кроме народной войны. Умолкли все городские сплетни, ссоры, взаимные ненависти...» [9].

К началу сентября в десяти уездах губернии было сформировано 12 дружин. Они создавались по принципу землячества, т.е. комплектовались из воинов одного уезда или, в крайнем случае, из соседних. Накануне выхода в поход в ополчении насчитывалось 10840 ратников и офицеров, разделённых на четыре бригады: 25 штаб-офицеров, 170 обер-офицеров, 685 урядников. В состав ополчения входили 90 писарей, 105 музыкантов, 4 священника [10].

Военную подготовку ратники прошли на местах, в уездах, под руководством сил внутренней стражи. Обучение велось по несложной программе: от воина требовалось знать своё место в шеренге и в ряду, заряжать и стрелять из ружья, действовать штыком. Из петербургского арсенала Новгородскому ополчению было отпущено 3243 разнокалиберных ружья.

М.И. Кутузов принимает в Петербурге ополченцев. Худ. С.В. Герасимов.

Под обоз были закуплены кованые телеги, частично повозки по образцу пехотных. В обоз новгородские помещики пожертвовали 500 лошадей, 150 были прикуплены. Для приготовления пищи в каждую дружину были выданы по 32 котла, большая часть которых — медные, остальные — чугунные. Были отправлены и медикаменты, закупленные в Петербурге. Все расходы делались из сумм пожертвований на ополчение [11].

С 14 сентября по 17 ноября все бригады выступили в поход. 5 октября бригада полковника А.А. Погребова прибыла в Великие Луки. Там её ожидало распоряжение сенатора А.А. Бибикова, начальника петербургского ополчения, выступить на Полоцк. По воспоминаниям Р. Зотова, останавливавшегося в Великих Луках с Петербургским ополчением неделей раньше, здесь ожидали ратников баня, отдых, возможность сделать покупки про запас. Купец, отпустивший сахар бесплатно, поясил: «нашим защитникам. Мы до вашего прихода положили между собою не брать с вас ни за что денег...» [12].

Пока Новгородское ополчение держало путь к Полоцку, Петербургское приняло возле этого города своё боевое крещение. Бои за Полоцк с переменным успехом длились около трёх месяцев. Корпус Витгенштейна своими активными действиями отвлекал значительные силы противника. Известно высказывание Дениса Давыдова о боях за этот город: «Граф Витгенштейн обязан был взятием Полоцка ополчению, коим предводительствовал действительный статский советник Мордвинов, которому здесь неприятельское ядро раздробило ногу. Уже было послано войскам приказание отступить, но ратники воспротивились, и Витгенштейн, вынужденный их поддержать, овладел городом» [13]. 11 октября подошла первая бригада Новгородского ополчения, и с этого времени петербургские и новгородские ратники будут сражаться в одних рядах.

Вторая новгородская бригада под командованием А.А. Погребова 31 октября прибыла в белорусское селение Чашники. Её встретил

И.Д. Савинова. Формирование, обеспечение и боевой путь новгородского ополчения

начальник обоих ополчений А.А. Бибиков. Как писал впоследствии В.И. Штейнгель, сенатор «изъявил удовольствие своё начальнику бригады за порядок и устройство, и за ту бодрость и весёлость духа, какия в сих новых войнах были им замечены, присовокупив при том уверенность свою, что они не упустят сравниться с воинами Петербургского ополчения» [14].

1 ноября авангард генерал-майора В.М. Яшвиля был атакован у села Аксенца кавалерией противника. Русские отошли к Хороброву. На следующий день началось сражение, в котором Новгородское ополчение держало боевой экзамен. Войска французского принца Виктора беспрепятственно атаковали центральную часть русского войска. Французы стремились овладеть главной батареей русских, которая располагалась на возвышенности позади деревни Смоляны.

Шесть раз эта деревня переходила из рук в руки, но в конце концов осталась у русских. Из-за больших потерь шестая дружина Петербургского ополчения была заменена второй дружиной новгородцев. Граф П.Х. Витгенштейн, убедившись в деле под Полоцком в храбрости и мужестве ополченцев, распорядился, чтобы дружины ратников во время битвы размещались по строевым полкам и составляли их резерв.

От пленного гусарского полка из конницы принца Виктора удалось узнать, что к местечку Борисово прибыл Наполеон, его войска под прикрытием корпуса Виктора должны переправляться через Березину. 15 ноября корпус П.Х. Витгенштейна выступил к Борисову. В его составе находились и дружины Новгородского ополчения. Вечером у Старого Борисова началось одно из решительных сражений кампании.

При его описании исследователи часто пользуются воспоминаниями В.И. Штейнгеля: «Новгородского ополчения 4-я и 6-я дружины ноября 15 числа показали ясно, что они не уступают в храбрости лучшим войскам, особ-

ливо, когда предводимы столь мужественными начальниками, каковы полковник Погребов и флота лейтенант Бровцын. Первый из них, будучи всегда впереди, и получив 8 ран пулями и штыками, вскоре испустил героический дух, благословляя своё Отечество». Командование дружиной он успел передать майору Н.П. Федцову [15].

Пока шло яростное сражение у Старого Борисова, совсем рядом, у Студянки, в это время переправлялась через Березину Великая армия. Корпус Витгенштейна, потеряв из-за нерешительности командующего оперативное время, рвался навестать упущенное и помешать переправе французского императора. Корпус принца Виктора изо всех сил старался удержать русские войска, чтобы дать возможность переправиться большему числу воинских подразделений. Наполеону удалось 17 ноября переправиться через Березину. При этом он приказал сжечь за собой переправу, оставив на том берегу десятки тысяч своих солдат.

Неудача наших войск в сражении на Березинской переправе, давшая возможность Наполеону переправиться с основной частью армии, объясняется историками нерешительностью Витгенштейна, ошибкой Чичагова, введённого в заблуждение местом переправы французов, и несогласованностью в действиях обоих командующих.

Некоторое время обе армии параллельно преследовали армию неприятеля. Но после Сморгони, где стало известно, что Наполеон тайно уехал во Францию, войска П.Х. Витгенштейна стали преследовать корпус Макдональда, отступающего из Риги.

17 декабря корпус П.Х. Витгенштейна вышел на границу с Пруссией. Русские войска заняли Юрбург. Начался заграничный поход русской армии. Часть ополчения была оставлена в западных областях России — для ликвидации остатков неприятельского войска, скитавшихся по лесам, часть отправлена по домам. Петербургское и Новгородское ополчения в составе корпуса П.Х. Витгенштейна

Исторические штудии

освобождали Пруссию, а затем взяли курс на Данциг — для ликвидации сильной неприятельской группировки, закрепившейся в этой крепости.

Осада Данцига длилась с апреля до середины декабря 1813 года. Противостояние войск нарушалось вылазками противника из крепости и даже крупными сражениями. 28 мая французы предприняли две сильные атаки, выдвинув четыре колонны с 80 орудиями. Ратники стойко отбивали врага и вынудили его отступить. Сражение в этот день длилось шесть часов. Потери противника составили 1,5 тысячи человек. Русские войска не досчитались 250 воинов. В этом сражении геройской смертью погиб начальник первой сводной дружины Новгородского ополчения подполковник Николай Осипович Ушаков [16].

Сильное сражение у стен Данцига произошло 17 августа. Центр боя оказался у мызы Пицкендорф. В ожесточённом бою отличились подполковник князь А.Е. Мышецкий, капитан второго ранга В.Я. Деревицкий, капитан второго ранга С.М. Бровцын, майор Н.А. Лупандин, майор В.И. Козлянинов, штабс-капитан А.А. Чапъжников. Все они были представлены к награде [17].

Осаду Данцига подробно описал в своих записках В.И. Штейнгель. Художественное воплощение эти бои получили в романе их участни-

Московские ополченцы в боях на Старой Смоленской дороге. Худ. В. Келерман. 1957 г.

ка, впоследствии писателя М.Н. Загоскина — «Рославлев, или Русские в 1812 году».

Гарнизон Данцига капитулировал 17 декабря 1813 года. Ключ от сдавшейся крепости отвёз в ставку русской армии командующий Новгородской сводной дружиной генерал-майор Д.С. Жеребцов. Главное командование распустило народное ополчение по домам, предоставив регулярным войскам право победного марша на Париж. В боях за французскую столицу приняли участие только конные полки Тульского и Украинского ополчений.

* * *

Замечательную страницу в историю Новгородского ополчения вписали жители губернии, взявшие на себя основную часть содержания и снабжения более 10 тыс. человек. Средства собирались в любых видах и исчислениях: ассигнациями, драгоценностями, утварью из серебра и золота, фуражом, поставкой лошадей.

Новгородское купечество определило свой вклад на военные надобности не менее 200 тыс. рублей. Новгородское городское купечество на своём собрании решило внести 50 тыс. рублей. Сборы определялись относительно с капиталом каждого из 96 человек. Наибольшая сумма составила 2 тыс. рублей, наименьшая — 100.

Щедрыми оказались и старорусские купцы: Епифан Кучков положил 3 тыс. рублей, Павел Бычарин, Александр Севериков, Иван Сыромятников внесли на ополчение по 5 тыс. рублей. Михаил Сомров пожертвовал 7 тыс. рублей — по тем временам сумма весьма изрядная [18].

Значительные суммы поступали от монастырей губернии. Уже в августе 1812 года от Тихвинского монастыря поступило 1500 рублей, архимандрит Самуил внёс от себя 100 руб., из Кирилло-Белозёрского монастыря поступило 500 руб., казначей Новгородского архиерейского дома иеромонах Евгений пожертвовал годовое жалование

И.Д. Савинова. Формирование, обеспечение и боевой путь новгородского ополчения

в размере 30 рублей. Священники сельских приходов присылали по 5–10 рублей [19].

Примечательна расписка губернатора П.И. Сумарокова, выданная им в казённую палату: «Савино-Вишерского монастыря строитель Иоасаф из фамилии Аничковых, ревнуя к общей преданности государю и Отечеству, взнёс от себя на временное ополчение пятьсот рублей» [20].

Сумма взносов на народное ополчение, которая находилась в казённой палате, постоянно колебалась: шло отчисление на провиант и жалование ратникам, на закупку лошадей и фуража. Средства регулярно отправлялись на фронт — посылались наличными с откомандированными офицерами.

Начальник Новгородской казённой палаты Алексей Шлёнов регулярно представлял губернатору отчёты о наличии сумм, поступающих на содержание ополчение, и их расходовании.

Одной из статей расходов к концу 1812 года стало содержание военнопленных. Первые партии французов стали прибывать уже в сентябре. После недолгого отдыха они направлялись в Вологду, Петрозаводск, Вятку, Тверь. Сохранилось письмо новгородского губернатора П.И. Сумарокова, с которым он в декабре обратился в Новгородскую казённую палату. Ссылаясь на донесения из Валдая, Устюжны, Старой Руссы, Боровичей, Тихвина, он писал: «...в городах сих находится большое число оставленных проходящими партиями военнопленных...для пользования оных по ненахождению там аптек, дабы оказать помощь страдающему человечеству, я предлагаю здешней врачебной управе составить каталог лекарствам самым необходимым... Я изъясил из здешней аптеки по тому каталогу лекарства для пяти сих городов, отослал к тамошним городничим для надлежащего употребления ...» [21].

Для оплаты этих лекарств губернатор распорядился, чтобы казённая палата выделила 472 рубля 25 коп. Спустя несколько дней

казённая палата оплатила ещё один счёт на медикаменты в сумме 393 рубля 40 коп [22].

На содержание военнопленных расходовались значительные средства: генералы получали в сутки 3 рубля, полковники и подполковники — по 1 рублю 50 коп., майоры — по 1 рублю, обер-офицеры — по 50 коп., унтер-офицеры и нижние чины — по 5 коп. [23].

Партии прибывали в город от 200 до 500 человек. Их нужно было не только накормить, но и одеть. Сохранилось конкретное распоряжение по этому поводу. Относительно офицеров оно предписывало: лица, которые кроме кормовых в сутки ничего не имеют и сами не смогут «способствовать одеть себя», могут получить по 100 рублей под расписку. У нижних же чинов заменялась лишь та одежда, которая уже «заслуживала этого»

Сохранилось несколько расписок пленных офицеров в получении ста рублей на обмундирование: Этьен Шевеляр, д-р Жан Батист, Август Гаммерштейн, Фердинанд Саботин... [24].

Поставкой одежды для военнопленных занимались новгородский купец Василий Барышников и мещанин Александр Столпников. Расчёт с ними казённая палата производила каждый месяц. Судя по перечню вещей: шинели, полушубки, шапки, — купец поставлял одежду офицерскому составу. Мещанин поставлял рубашки, онучи, лапти [25].

С осени 1813 года в среде военнопленных распространилось движение — переход в русское подданство. Первые списки нижних чинов французской службы, присягнувших на верность России, появились в сентябре 1813, последние датированы апрелем 1814. По неполным данным, за семь месяцев русское подданство приняли 10 французов, 8 итальянцев, 2 ганноверца, 2 вестфальца, 3 голландца, швейцарец, венгр, испанец с женой прусского происхождения [26].

Можно предположить, что подобные факты перемены гражданства могли быть зафиксированы и в других городах, где находились

Исторические штудии

военнопленные. Было ли это искреннее желание соединить свою судьбу со страной, приветившей врага? Или же практический расчёт — выйти из состояния военнопленного — сказать трудно. Если проанализировать социальный состав новых граждан России, то, конечно, графы и бароны среди них не обнаружатся. В основном, это земледельцы и ремесленники.

Судьбу одного из них, француза, часовщика Карла Луи Бернарда сохранили архивные документы. Он значится в числе первых пленных, принявших русское подданство. Его имя вновь появилось спустя многие годы в документах уже Городской Думы. Он обратился с пространном письмом к городским властям, в котором сообщил, что прибыл в Новгород военнопленным, но приняли его горожане не как врага, а как «природного жителя Новгорода».

Этот радушный приём послужил тому, что при размене военнопленных Карл Луи Бернард поступил в подданство российской империи и остался в Новгороде часовым мастером. Когда в 1839 году во Франции скончались родители, Карл съездил на родину, получил причитающееся ему наследство и за 2 тысячи франков купил и привёз в Новгород куранты, которые и подарил городу. Дума, конечно, приняла столь неожиданный подарок, часы были установлены на её здании, колокол для боя весом 13 пудов был отлит в мастерской Юрьева монастыря.

9 августа 1841 года Новгородское губернское правление заслушало рапорт Городской Думы об установке часов, подаренных городу.

Оно утвердило и место для часов на здании Думы, и сумму, затраченную на их установку и литьё колокола — 188 рублей 33 и 4/7 коп. серебром. Документ это подписал советник А.И. Герцен [27].

Подаренные городу часы честно прослужили новгородцам ровно сто лет — с июля 1841 по июль 1941 года и погибли в одной из первых бомбёжек Новгорода фашистской авиацией.

* * *

По окончании большой военной кампании были составлены соответствующие отчёты. Вся пожертвованная дворянами и другими сословиями денежная сумма равнялась 211 808 рублям 45 коп. Если же к ней причислить годовое продовольствие на 10 840 человек, поставку фуража, лошадей, то общая сумма в денежном выражении приравнивалась к 1 млн рублей. Наибольший взнос сделали жители Старорусского уезда — 56 720 руб. [28].

Участие тысяч ратников ополчения в Отечественной войне вместе с регулярной армией и заграничный поход в 1813–1814 годах имели не только военное, но и большое политическое значение. В каждом воине-офицере, рядовом солдате и ратнике окрепло чувство национальной гордости за свою родину, которую они спасли от угрозы иноземного порабощения. Значительным итогом заграничного похода стал и возросший политический кругозор части офицеров и ратников.

На эти обстоятельства указывал впоследствии декабрист А.А. Бестужев: «Наполеон вторгся в Россию, и тогда народ русский впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политический, а впоследствии и народной» [29].

Исход Отечественной войны с необыкновенной отчётливостью выявил вопиющие противоречия между стремлениями и возможностями народа-победителя и его крепостнической зависимостью. Сдача вернувшихся ратников под расписку и по квитанции их прежним владельцам вызвало законное чувство возмущения. Декабрист П.Г. Каховский писал: «Кончилась война с Наполеоном, мы все надеялись, что император займётся внутренним управлением в государстве... И что же? Через 12 лет лишь переменялась форма мундиров гражданских!» [30].

Вернувшиеся из заграничного похода ратники не желали поступать снова «в своё первобытное состояние». Архивные документы сохранили множество фактов неповиновения,

И.Д. Савинова. Формирование, обеспечение и боевой путь новгородского ополчения

когда ратники «ничему не внемлют и на работу ни на какую идти не хотят». В августе 1814 года новгородский вице-губернатор Н.Н. Муравьев сообщал, что «со времени роспуска ополчения редкий день проходит, чтобы не доходило...взаимных жалоб от воинов, помещиков и их приказчиков» [31].

Правительство обмануло чаяния бывших воинов о заслуженной свободе. Пройдет почти полвека, когда их внуки получают право на независимость.

Литература

1. Интернет-проект «1812».
2. ГАНО, ф.141, оп. 1, Д. 30, Л. 84.
3. Там же, Л. 12.
4. Там же, Д. 29, л.1.
5. ГАНО, Ф.141, оп. 1, Д. 30, Л. 23.
6. Там же, Д. 33, л. 6, Д. 59, Л. 45 об.
7. Там же, Ф-141, оп. 1, Д. 29, ЛЛ. 1–13.
8. Глинка Ф.Н.Сочинения. Письма русского офицера. М., 1986. С. 231.
9. Зотов Р. Рассказы о походах 1812–1813 годов. СПб, 1836. с. 8.
10. Бабкин В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962, с. 70.
11. Бабкин В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962. С. 70
12. Зотов Р. Рассказы о походах 1812–1813-го годов прапорщика Санкт-Петербургского ополчения. СПб, 1836. С. 26
13. Давыдов Д.В. Военные записки. М.,1962. С. 543.
14. Штейнгель В.И. Записки касательно похода Санкт-Петербургского ополчения против врагов Отечества, СПб, 1814, С. 103.
15. Штейнгель В.И. Записки касательно похода Санкт-Петербургского ополчения против врагов Отечества. СПб., 1814. С. 200.
16. Бабкин В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года», М. 1962, С. 201.
17. ГАНО, ф. 141, оп. 1, Д. 34, Л. 4.
18. ГАНО, ф. 138, оп. 1, Д. 58, Л. 39.
19. ГАНО, ф. 418, оп. 1, Д. 6, л. 33.
20. ГАНО. Ф. 418, оп. 1, Д. 6, л. 1.
21. ГАНО. Ф. 418, оп. 1, Д. 8, Л. 87.
22. ГАНО, Ф. 418, оп. 1, Д. 8, ЛЛ. 87, 90.
23. Там же, Д. 9, Л. 277.
24. Там же, Д. 8, Л. 262.
25. Там же, Д. 8, Л. 184.
26. ГАНО, Ф. 418, оп. 1, Д. 9, ЛЛ. 42, 48, 52, 72.
27. ГАНО, Ф. 93, оп.1, Д. 19, ЛЛ. 1–2, 32–33.
28. ГАНО, Ф. 138, оп. 1, Д. 58, Л. 102.
29. Декабристы. Антология, Л., Т. 2, 1975.
30. Декабристы. Антология, Л., Т. 2. 1975.
31. Бабкин В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962.

